

Научная статья

УДК 82.09

doi: 10.17223/19986645/97/8

«Как Человек и Божий Сын...»: к интерпретации поэмы И.С. Никитина «Моление о чаше»

Глеб Максимович Маматов¹, Владимир Евгеньевич Угрюмов²

^{1,2} *Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия*

¹ *G.M.mamatov@yandex.ru*

² *v.u7@mail.ru*

Аннотация. Поэма И.С. Никитина «Моление о чаше» рассматривается в литературоведческой и богословской перспективах. Изучаются биографический, историко-литературный контексты, образная, персонажная, мотивная структуры и жанровая специфика, раскрывается связь с гуманистическими и социальными взглядами Никитина, обусловленными его близостью поэтам-демократам и влиянием В.Г. Белинского. Поэма представляет собой характерное для русской христианской лирики произведение, в котором сохранены основные черты религиозной поэмы и молитвенной лирики, но при этом она не является лишь переложением евангельской истории, что доказывает теологический анализ.

Ключевые слова: И.С. Никитин, поэма «Моление о чаше», христианская поэзия, религиозный текст, русская литература 1850–х гг., евангельский сюжет

Для цитирования: Маматов Г.М., Угрюмов В.Е. «Как Человек и Божий Сын...»: к интерпретации поэмы И.С. Никитина «Моление о чаше» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 97. С. 165–193. doi: 10.17223/19986645/97/8

Original article

doi: 10.17223/19986645/97/8

"As a Man and Son of God... ": To the interpretation of Ivan Nikitin's poem "Prayer for the Cup"

Gleb M. Mamatov¹, Vladimir E. Ugryumov²

^{1,2} *Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation*

¹ *G.M.mamatov@yandex.ru*

² *v.u7@mail.ru*

Abstract. The article analyzes Ivan Nikitin's poem "Prayer of the Cup" (1854). This poem is dedicated to the canonical Gospel plot of Jesus Christ's prayer in the Garden of Gethsemane. This research consists of two parts. First, we examine the external verbal structure and internal linguistic organization (composition, poetic syntax). We consider both the primary symbols and the motifs of the poem, which are opposed to each other, creating the work's integrity. The images of light (moon, stars) are associated with the figures of Christ and the Angel, correlating with the theme of the heavenly Kingdom of God and contrasted with the motif of darkness, associated with Judas and the devil. The

image of fire possesses dual symbolism. On the one hand, it is an attribute of God and the Heavenly realm. This is associated with the sunset's glow and the divine fire that purifies Christ, burning His face before His transformation into a divine being. But, on the other hand, it is the sinister infernal flame of the torches of the Jewish guard, illuminating Judas's face during the betrayal of Christ. Thus, the poem's structure of imagery is divided into a series of important oppositions: Angel and devil, Christ and Judas, God and Man. However, the figure of Christ is very complex to analyze, and we examine Nikitin's text relying on all four Gospels. Second, we analyze the image of Christ in a theological key, drawing upon the patristic works of John Chrysostom, Theophylact of Bulgaria, and Euthymius Zigabenus. In Nikitin's poem, we find both similarities and direct allusions to the Gospels of all four apostles, as well as fundamental differences from them. The poet retains the fabula of the plot in the Gospel of Mark and Matthew (the threefold prayer, falling to the ground), the motif of bloody sweat and the plot of the descent of an Angel from the Gospel of Luke, and he takes the image of Judas the devil from the Gospel of John. But the figure of Christ in his poem is transforming. Nikitin's image of the Savior is complex and multifaceted; He is depicted as a man at the moment of highest tension, in a borderline situation, and as the Son of God, conscious of His sonship. In the poem, we observe the triumph of the human spirit in its communion with God. An important place is occupied by the motif of the unity of the human and the divine in the image of the Savior, more precisely – the eternal process of moving from the human to the divine. For the divine is impossible to fully comprehend, but this path is shown as overcoming human sorrow to achieve divine joy. Nikitin artistically depicts the Savior's Transfiguration as a processual category. A significant characteristic of this process in the poem is silence. The word "silence" is repeated four times in the text, as if surrounding the suffering and Transfiguration, which speaks to a "condensation of thought." The motif of fire is also connected to this; in the poem we note three of its kinds: the blazing sunset, the divine fire, and the fire of betrayal. This also contributes to the "condensation of thought" on the process of prayer. For Nikitin, Christ appears not as the God-Man, but as a man-God, in whom the earthly principle genuinely suffers in order to become heavenly. The Savior-Redeemer, who took upon Himself all the sins of the world, reveals His human origin. The poet invites the reader to a silent dialogue – a dialogue of compassion for his hero, who speaks and repeats his human sorrow and, as a man, meets the messenger of heaven and His Transfiguration, which differs from all the Gospels or patristic interpretations, according to which Christ firmly accepts His "cup" as the Son of God. In Nikitin's version, the Savior does this through agony and sorrow; His humility is not equivalent to fortitude of spirit, and the joy of His Transfiguration is tragic in its loneliness and the world's hostility towards Him. In the poet's understanding, Christ is ideal as a Man, but as a man is always in the process of Transfiguration, always on the path to God in Man; herein lie the humanistic ideals of the Russian poet.

Keywords: "Prayer for the Cup", I.S. Nikitin, religious poetry, lyric, theology, semiosphere, image of Christ

For citation: Mamatov, G.M. & Ugryumov, V.E. (2025) "As a Man and Son of God...": To the interpretation of Ivan Nikitin's poem "Prayer for the Cup". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 97. pp. 165–193. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/97/8

Введение

В семиотике Ю.М. Лотмана особое место занимает вопрос о диалоге языков, кодовых систем. В одной плоскости между ними возникает живое взаимодействие, и они не представляются статичными. Одна из них является

главенствующей, а другая – вторичной или подчинённой. Происходит перевод одной системы знаков в другую, при их соединении переводимый язык теряет характерные особенности, а переводящий сохраняется и обогащается [1. С. 86]. В этом процессе образуются особые пограничные сферы: единство языков порождает нечто, находящееся на стыке между ними, но не являющееся ни одним из них в полной мере. С этим связана полиглотичность культуры [2. С. 143]. Пример такого текста – церковная архитектура Сицилии. При строительстве Кафедрального храма в Сиракузах или Палатинской капеллы в Палермо были использованы элементы арабского и византийского зодчества [2. С. 143]. Это «общение» создаёт цельность произведения и его способность к смыслопорождению [3. С. 104]. Таким образом, текст, которым в семиотической системе Лотмана является любой феномен, имеющий в своей основе знаковую структуру, выступает как динамичная сфера, в которой разные языки находятся в постоянном взаимодействии между собой [4. С. 9–11; 5. С. 20–21].

Анализируя такие «пограничные» произведения искусства, исследователь должен обращаться к особенностям как переводящей системы, так и переводимой. Данный вопрос актуален при анализе художественных произведений, вдохновлённых библейскими сюжетами. В таких текстах слиты два культурных пласта: литературный (первичная система) и христианский (вторичная система). В филологии проблема религиозной интерпретации художественных произведений остаётся дискуссионной до сих пор [6. С. 322]. При этом в гуманитаристике выработано немало подходов к исследованию «христианского текста», среди которых следует назвать контекстуальный, учитывающий историю и культуру православия [7. С. 12–14], персоналогический, основанный на изучении экзистенциального опыта личности писателя и религиозного мирозерцания русского народа [6. С. 325; 8. С. 349; 9], теологический, предполагающий обращение к богословским толкованиям евангельских источников, избранных тем или иным автором [9. С. 8–9]. Отдельная группа работ посвящена интертекстуальным связям между литературой и Библией [10–12], отношениям писателей и поэтов к христианству и Церкви [13, 14]. Несмотря на значительное число исследований, можно смело утверждать, что методика изучения «христианского текста» ещё остаётся актуальным и интересным вопросом, требующим от исследователя наличия определённых знаний в области истории христианства и Евангелия, ведь ново- и ветхозаветные истории изначально интерпретировались богословами. Поэт или прозаик, обращаясь к Библии, становится последующим толкователем, который может достаточно вольно «работать с материалом».

В русской литературе данная проблема особенно актуальна в связи со значительной ролью христианства в жизни многих писателей и поэтов. Словесность, «которая генетически несёт в себе элементы православия и от них получает импульсы религиозно-языкового и религиозно-художественного творчества», влияет как на художественные произведения, так и на религи-

озную жизнь общества, потому «русская литература имеет экклезиологическую ценность» [9. С. 7]. В XIX в. в связи с введением в обиход творений святых отцов и Учителей Церкви, созданием института старчества, появлением православных подвижников, начинается расцвет христианских мотивов в русской словесности [9. С. 8]. Неудивительно, что писателям именно этой эпохи посвящён ряд научных трудов, освещающих религиозные взгляды и их отражения в произведениях Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова, А.А. Фета [15–23].

Особенно интересно в этом контексте творчество И.С. Никитина, в чьей жизни православие занимало значимое место. В данной статье интерпретируется поэма «Моление о чаше». Заметим, что это единственное произведение Никитина, в котором реконструируется евангельский сюжет (моление Христа в Гефсиманском саду) в своём каноническом виде. Новизна предлагаемой работы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в качестве материала исследования выбрано малоизученное произведение, где оригинально интерпретирован частотный в русской литературе новозаветный сюжет. Во-вторых, выявляется место данного произведения в контексте творчества И.С. Никитина и религиозной поэтики русской литературы XIX в. В-третьих, предлагаемая интерпретация соединяет филологические и богословские методы анализа художественной литературы. Мы рассматриваем поэму «Моление о чаше» как религиозный текст¹, «находящийся» между двумя знаковыми системами: соборной христианской культурой и индивидуальным поэтическим творчеством. В-четвёртых, в статье предлагается рассмотреть произведение Никитина и в связи с его социальными и гуманистическими идеями, что позволит более глубоко исследовать природу его христианской лирики в контексте русской литературы 1850-х гг.

Биографический и историко-литературный контексты

Обратимся к биографическому и литературно-историческому контекстам. Отец поэта, Савва Евтихievич, происходил из духовного сословия, что отразилось на воспитании и образовании Никитина: «И.С. Никитин учился в Воронежском духовном училище и в духовной семинарии <...>. Несомненно, на религиозном настроении поэта отразилось его обучение в духовной школе, тем более что и первоначальное его воспитание, в доме его отца, было тоже религиозное, так как отец его был из духовного звания и торговал церковными свечами, почему, несомненно, вращался в кругу духовном» [24. С. 2]. Важно и то, что перед смертью поэт с большим интересом читал «Житие» Тихона Задонского, чьи мощи были обретены в Воронеже летом 1861 г., и работы В.И. Чеботарёва, келейника святого [24. С. 4; 25. С. 59].

¹ Данный термин означает текст, который «характеризуется такими чертами, как полисемантичность, притчевый характер повествования, внутренняя полнота и непротиворечивость, основанные на христианской этике и гносеологии и т.д. В то же время религиозный текст не обладает священным статусом и не во всех случаях неизменен» [20. С. 5].

Во время обучения Никитина в семинарии начали формироваться его литературные предпочтения и нравственные взгляды. Важную роль в его судьбе сыграло знакомство с поэзией А.В. Кольцова и публицистикой В.Г. Белинского, чьи статьи оказывали серьёзное влияние на умы семинаристов: «Огненные статьи Белинского, так близкого к Кольцову, читались с жаром и чуть не заучивались наизусть; <...> одним словом, пребывание в семинарии, совпадающее с умственным движением тогдашнего времени, имело на Никитина громадное влияние. Это умственное движение, как известно, произведено было Белинским» [26. С. 5]. М.Ф. Де-Пуле делает правомерный вывод о близости взглядов молодого поэта к западничеству, «журнальным выразителем» которого и был критик [26. С. 6]. Важна мысль В.А. Тонкова: «Чтение этих статей не могло не вызвать благоговейного отношения к Белинскому, какое Никитин сохранил в течение своей жизни» [27. С. 14]. Осмысление идей В.Г. Белинского определило творческий путь Никитина, сформировало нигилистическое отношение к миру, которое было характерно для него в ранние годы [26. С. 6]. В дальнейшем Никитин был близок поэтам революционно-демократического направления, Н.А. Некрасову [27. С. 50; 28. С. 19–20] и М.Л. Михайлову [27. С. 14–26]. На зрелое творчество Никитина повлиял и Н.Г. Чернышевский, написавший рецензию на его первую книгу [27. С. 34–35; 29]. Важен и факт участия поэта во второвском кружке, куда входили представители воронежской интеллигенции, помогавшие ему публиковаться в «Отечественных записках» и «Библиотеке для чтения» и познакомившие его с А.Н. Афанасьевым, Ф.И. Буслаевым, В.И. Далем, П.И. Мельниковым-Печерским, В.Ф. Одоевским и И.И. Срезневским [28. С. 11].

Следует актуализировать вопрос о влиянии В.Г. Белинского на духовные взгляды Никитина. В хрестоматийном «Письме Н.В. Гоголю 15 июля 1847 года» Белинский подвергает православную церковь критике: «Ей (России. – Г.М., В.У.) нужны не проповеди <...>, не молитвы <...>, а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а со здравым смыслом и справедливостью» [30. С. 244]. В этом фрагменте Белинский акцентирует мысль о пагубном влиянии церкви на общество, чему критик противопоставляет здравый смысл, справедливость и необходимость действия. И.С. Никитин в письме к Н.И. Второву и И.А. Придорогину от 27 октября 1858 г. так охарактеризовал обучение в семинарии: «Открыв при книжной лавке библиотеку для чтения по дешёвой цене, получая все лучшие современные журналы, я мог бы, если не ошибаюсь, действовать на известную часть публики, действовать на молодежь семинарии, проводя в неё всё лучшее; по мере моих сил мне хотелось бы заплатить добром за зло этому отупляющему учебному заведению» [31]. Поэт осмысляет церковное образование как «примитивное», отрицательно воздействующее на семинаристов. Критика поэта касается не только семинарии. В стихотворении «Ах! признаюся, воля Ваша...» (1854) он враждебно описывает священство: «Скажите, где здесь совершенство? / К тому ж, что скажет духовенство? /

А здесь ведь очень важен глас / Больших бород и длинных ряс» [32. С. 151]. Не менее резко о семинарии и священстве Никитин напишет в стихотворении «Ах, прости, святой угодник...» (1858): «Мирянин – попов поклонник, / Читатель рясы и бород – / Мёртвой школе гимн поёт. / Ох, знаком я с этой школой! / В ней не видно перемен: / Та ж наука – остов голый, / Пахнет ладаном от стен. / <...> / Поп, обросший бороною, / По дворам с святой водою / Будет в праздники ходить, / До упаду есть и пить» [32. С. 282–284]. Становится очевидным, что Никитин скептически настроен к церкви, как к социальному институту. Но вера И.С. Никитина была абсолютно искренней, о чём пишет М.М. Семёнов: «Бог, в которого верует Никитин <...> – не отвлечённая идея. Это личный живой Бог; Иван Саввич представляет Его “окружённым духов – незримою толпой”, – которых он и посылает к людям, – через этих слуг своих, являя руку Свою» [33. С. 508]. В этом, по мнению М.М. Семёнова, заключается различие взглядов Никитина и Белинского. Но с такой позицией нельзя полностью согласиться. Критик отделяет Христа и Его учение от религии: «...но Христа-то зачем Вы примешали тут? <...> Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения» [30. С. 246]¹.

Важной деталью является цитирование знаменитого девиза Великой французской революции «Свобода, равенство и братство». Очевидно, что и для Никитина истинная вера не может существовать вне гуманизма и социальной эмпатии. Для поэта Христос всегда оставался идеалом, чей подвиг знаменовал высшее проявление духа, дарящее утешение всем страждущим, о чём он пишет в автобиографической повести «Дневник семинариста» (1860): «Унывает ли несчастный, бесчестно оскорблённый и задавленный, – я указываю ему на бесконечное терпение божественного страдальца, который, прибитый гвоздями на кресте, прощал своим врагам» [35. С. 60]. Поэт осмысливает Распятие Христа как самопожертвование, подвиг на кресте дарует всем страждущим успокоение. Заметим, что и роль искусства для Никитина заключалась в облегчении мучений народа, а истинная миссия поэта – в прохождении им через грязь жизни, о чём он пишет в письме А.А. Краевскому от 20 августа 1856 г., в котором отвечает на критику рецензента из «Современника»: «...всеобъемлющий г. рецензент упустил из виду примирение автора с горькою действительностью <...>. Не вдруг колодник запоет о своих цепях: физическая боль, мрак и сырой воздух тюрьмы останоят до известного времени поэтическое настроение. <...> Попробовал бы г. рецензент пройти по уши в грязи по той самой дороге, по которой идёт автор-мещанин, я послушал бы тогда, как он воспел эту грязь и скоро ли взялся за пень!» [31].

В молитвенной лирике Никитина и Бог, и Христос выступают как утешители, дарующие измученной душе надежду, успокоение и обретение духовной гармонии как в стихотворении «Сладость молитвы» (1854), написан-

¹ Подробнее об этом см. работу И.Р. Монаховой [34. С. 141].

ном сразу после «Моления о чаше»: «И в душу прольётся мне светлая радость, / И смело на образ тогда я взгляну, / И, чувствуя в сердце какую-то сладость. / На ложе я лягу и крепко засну» [32. С. 124]. Помимо этих произведений в 1854 г. поэт написал немало стихотворений, в которых обратился к социальной проблематике («Жена ямщика», «Бурлак», «Лесник и его внук», «Купец на пчельнике»). Религиозная тематика у Никитина всегда соединена с социальной, заметим, что в стихах за 1854 г. тема «утешения молитвой» актуализирована во многих нерелигиозных стихотворениях («Вечер после дождя», «Неудачная присуха»).

Историко-литературный контекст при изучении творчества Никитина не исчерпывается связью с В.Г. Белинским. Г.П. Черешнева в своей диссертации доказывает, что он испытал влияние А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, А.Н. Майкова, Я.П. Полонского [28. С. 12–13]. Это наблюдение позволяет говорить, что воронежский поэт – наследник литературной традиции XVIII–XIX вв. На наш взгляд, ещё одной точкой пересечения Никитина и русских классиков стал «теоцентрический тип мирозерцания», который «связан с христианской онтологией, ориентирован на единого личного Бога, который творческой любовью связует мировое целое, давая ему высший порядок и смысл» [9. С. 8]. В письме к А.Ф. Кони от 6 ноября 1853 г. Никитин так пишет о своём отношении к природе: «В моей грустной действительности единственное для меня утешение – книги и природа: в беседе с нею я забываю всё меня окружающее. Она – мой первый наставник, научивший меня знать и любить бога» [31]. Для Никитина природа – проявление божественной воли на земле. В миниатюре «Когда один в минуты размышления...» (1851) герой верит в «святое Провидение», управляющее всеми процессами во вселенной [32. С. 79]. В данном случае трудно не согласиться с наблюдением Д.А. Романова о «растворении Бога в окружающем мире» в лирике поэта, а также близости его взглядов пантеизму [36. С. 248].

Итак, одной из важнейших тем в лирике Никитина является христианство. На протяжении всего своего творческого пути поэт неизменно обращался к религии и молитвенной лирике, на что указывают названия многих его миниатюр: «Монастырь» (1849), «Молитва» (1851), «Новый Завет» (1852), «Молитва дитяти» (1852), «Война за веру» (1853), «Моление о чаше» (1854), «Сладость молитвы» (1854), «Лампадка» (1857), «Исповедь» (1861). Религиозные темы возникают и в самых крупных и значительных произведениях Никитина: в поэме «Кулак» (1857), повести «Дневник семинариста». Говоря об изучении религиозной тематики в лирике Никитина, мы не можем не отметить, что она уже становилась предметом исследования как филологов, так и деятелей церкви. Все эти работы можно разделить на две категории. К первой относятся те труды, авторы которых «идеализируют» христианские взгляды поэта, показывая его как глубоко религиозного человека, в чьих стихах «достоверно и искренно выражено мироощущение верующего человека, который не видит смысла жизни вне обращения к Богу» [37. С. 19]. К таким работам относятся статьи иеромонаха М.М. Семёнова, кото-

рый писал о «теодицее», мотивах Голгофы и «религиозного сомнения», которое побеждается искренней молитвой никитинских героев [33. С. 512; 38. С. 551], очерк М.М. Степанова [24]. В схожем русле о христианских взглядах поэта пишет Г.П. Черешнева: «В его стихах религиозно-патриотические настроения поддерживаются сознанием величия православной родины и своего единения с нею» [39. С. 20]. Такое понимание христианских взглядов обнаруживается в трудах биографов и критиков поэта [25. С. 67; 40]. Вторая группа работ включает в себя те сочинения, авторы которых не признают в религиозных стихах Никитина художественных достоинств [41] или ставят их ниже по уровню произведений, написанных на социальную тематику [27; 42. С. 70]. При анализе лирики Никитина нельзя говорить о незначительности религиозной лирики, так как христианские мотивы сохраняют свою значимость на протяжении всего его творчества. Такие аспекты данной темы, как библейская сюжетика, факты обучения в Воронежской семинарии и наличия знаний в области теологии, исследователями не учитывались, не брались ими во внимание и традиции русской религиозной лирики, которые нашли своё отражение в творчестве Никитина, примером чего является поэма «Моление о чаше».

История публикации поэмы «Моление о чаше»

Поэма «Моление о чаше» написана, согласно авторской датировке, 7 января 1854 г. Ф.Е. Сивицкий пишет, что текст произведения вместе со стихотворениями «Русь» (1851) и «Война за веру» был напечатан в «Воронежских губернских ведомостях» [25. С. 23]. Мы изучили подшивку газетных номеров «Воронежских губернских ведомостей» за 1854 г., находящуюся в Российской национальной библиотеке, но не нашли данного стихотворения ни в одном из выпусков. При этом поэма принесла славу И.С. Никитину: «Между прочим, выразила желание видеть Никитина супруга тогдашнего губернатора, княгиня Е.Г. Долгорукая <...>. Она сделалась одною из ревностнейших почитательниц его таланта (особенно нравились ей стихотворения религиозного содержания – “Моление о чаше”, “Сладость молитвы”) <...> Популярность его возросла особенно после написанного им стихотворения “Моление о чаше”; о Никитине заговорили во всех даже едва грамотных слоях общества; стихотворение переписывалось во множестве экземпляров и распространилось далеко за пределы Воронежа» [26. С. 16–17]. М.Ф. Де-Пуле, автор этих строк и человек, близко знавший Никитина по второвскому кружку, не пишет о публикации текста в 1854 г., возможно, что оно распространялось в Воронеже в рукописных списках. Собственно, изучив другие источники, мы выявили, что Ф.Е. Сивицкий допустил фактологическую ошибку. Поэма не была опубликована при жизни Никитина из-за духовной цензуры. В Полном собрании стихотворений указана следующая информация: «Впервые – изд. 1869 г., т. 1, стр. 267. Автограф – в архиве Никитина; там же автографы двух первоначальных редакций, без даты.

Списки – в тетр. Нордштейна и Александрова-Дольника, без даты. Духовной цензурой стихотворение не было разрешено к печати» [32. С. 577–578]. Сам поэт высмеял этот запрет в миниатюре «Ах! признаюся, воля Ваша...»: «Не дай Бог, если лоб их медный / Противоречье здесь найдёт, – / Ведь этой “Чаше” автор бедный / Ни за копейку пропадёт» [32. С. 151].

Мы нашли текст первой публикации произведения в журнале «Русский Архив» за 1865 г., где оно было напечатано под названием «Молитва в саду Гефсиманском» с примечанием под заглавием «Неизданное стихотворение И.С. Никитина» [43. С. 805–810]. Это противоречит как данным Ф.Е. Сивицкого, так и информации из собрания стихотворений. Возникает вопрос, почему авторы комментария не обратились к сведениям М.Ф. Де-Пуле в первом собрании сочинений, где, по их информации, поэма была впервые опубликована: «Стихотворение это напечатано в первый раз в 7-м выпуске “Русского Архива” 1865 г., стр. 805–810, но в первоначальном виде и, притом, с не совсем точного списка. Обе редакции, почти одновременные (январь 1864 г.) сохранились в подлиннике у Второва» [44. С. 526–527]. Любопытна история создания поэмы, описанная М.Ф. Де-Пуле. Одна почитательница таланта Никитина подарила ему эстамп Ф.А. Бруни «Моление о чаше» (1834–1836), вдохновивший поэта на создание «Моления о чаше» [44. С. 37]. Связь поэмы с этой картиной опосредованная, сюжет никитинского произведения никак не связан с изображением Христа у Бруни. Заметим, что исследуемое стихотворение получило положительную оценку в критике конца XIX и начала XX в. [45. С. 76; 46. С. 53], но мы не можем говорить, что оно подробно изучено в научной литературе, посвящённой Никитину.

Сюжет моления Христа в Гефсиманском саду в русской и европейской литературе

Перед непосредственной интерпретацией следует рассмотреть основные значения изучаемой истории в Библии, русской и европейской литературе. Выделим схематично основные сюжетные элементы истории о молении Спасителя в Гефсиманском саду в Четвероевангелии:

1. После Тайной Вечери Иисус Христос отправляется в Гефсиманский сад с тремя учениками.

2. Спаситель пал на колени и взмолился Богу (моление о чаше), в то время как апостолы погрузились в сон.

3. Порицание учеников и возвращение к молению (троекратная молитва у Матфея и Марка).

4. Утешение Христа Ангелом в Евангелии от Луки [47. Лк. 22: 41–44].

5. Иисус будит Петра, Иакова и Иоанна и говорит им о грядущем предательстве и казни.

6. Появление Иуды и иудейских первосвященников и фарисеев с огнями и оружием (у Иоанна).

Эта сюжетная канва возникает в большинстве произведений, посвящённых истории моления о чаше. Здесь стоит назвать византийские иконы, полотно Дуччо, Эль Греко, А. Мантеньи, Дж. Беллини, Н.Н. Ге, В.Г. Перова,

прелюдию и фугу до-диез минор из первого тома «Хорошо Темперированного Клавира» И.С. Баха, «Мессию» Г.Ф. Генделя, ораторию «Христос на Масличной горе» Л. ван Бетховена. В европейской и русской литературе этот сюжет также достаточно популярен, о чём написано немало филологических работ. Ряд исследований посвящён «Оливковой роще» Р.М. Рильке [48], «Масличной горе» А. де Виньи [49], «Молению о чаше» А.Н. Апухтина [50], роману «Ермо» Ю. Буйды [51]. Стоит отдельно назвать диссертацию М.О. Граматчиковой, изучавшей сюжет моления о чаше в «Реквиеме» А.А. Ахматовой, литературе русского зарубежья, поэзии Великой Отечественной войны, советской лирике, романе «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака [52]. Исходя из наблюдений учёных, выделим, что в литературе данный сюжет или появляется в каноническом виде, или «растворяется» в тексте на уровне аллюзий. Отметим его основные коннотации. Прежде всего, это высокое предназначение героя, данное с небес [53. С. 102], христологические мотивы [48. С. 18–23, 49], утешение в подвиге Спасителя [52. С. 43], соотношение вечности и мгновенности [52. С. 181], постижение великой цели, воскрешение [51. С. 232], историческая катастрофа, необходимость жертвенности ради мира и спасения людей [52. С. 81–97]. Становится очевидным, что евангельский сюжет имеет немало различных трактовок в русской и европейской литературе. Встаёт вопрос, каковы основные особенности в репрезентации известной евангельской истории в поэме И.С. Никитина?

Анализ «Моления о чаше» И.С. Никитина (филологический аспект)

В.А. Котельников обозначает два центральных жанровых образования в русской христианской лирике начала XIX в.: «религиозный эпос», восходящий к западноевропейской литературе (Дж. Мильтон, Ф. Клопшток, И. Брейтингер), и «христианская псалмодика», включающая в себя «молитвенную поэзию» [9. С. 19]. Произведение Никитина соединяет обе эти тенденции. Оно написано в эпическом стиле, крайне близком русской религиозной поэме, но её смысловой центр – три моления Христа. Рассмотрим «эпическое начало». В.Л. Коровин выводит следующие черты жанра «религиозная поэма» в русской литературе. Тщательное следование первоисточнику, что восходит к «перелаганию» псалмов в русской духовной оде. Идентичность пространственно-временной структуры поэмы и евангельской истории («Хеверь» (1837), «Разрушение Вавилона» (1839) В.И. Соколовского, «Иов» (1859), «Таинственная капля» (1861) Ф.Н. Глинки [54. С. 188–192]). Соединение повествования с толкованием. Каждое произведение является авторской трактовкой библейского сюжета, что уже соприкасается с областью богословия [54. С. 180]. Никитин следует этой традиции. Сюжет поэмы линейный и почти полностью идентичен библейскому предтексту. Совпадает с евангельской историей и точное упоминание новозаветных топонимов. Рассмотрим композицию. Поэма состоит из 210 стихов. В используемом источнике она разбивается на несколько фрагментов: первый включает стихи № 1–170, второй – стихи № 171–186, третий – стихи № 187–202,

четвёртый – стихи № 203–210 [32. С. 117–122]. Такая разбивка кажется достаточно произвольной из-за отсутствия отступов внутри первых 170 стихов. Все публикации произведения различны по структуре. В собрании сочинений 1869 г. отступы стоят после стихов № 136, 154, 170, 186 и 202 [44. С. 267–274]. В издании 1914 г. разделы стоят после стихов № 154 и 190 [26. С. 114–116]. На наш взгляд, поэма делится на 10 смысловых частей (таблица).

Композиция «Моления о чаше»

Номер части	Название части	Название подчастей с указанием номеров первого и последнего стихов
1	Пейзаж	Социальный, городской (стихи 1–12)
		Природный, космический (стихи 13–22)
2	Гефсимания	Сон апостолов, описание проклятого мира (стихи 23–38)
3	Первое моление Христа	Явление Спасителя – первое моление о чаше – первое обращение к ученикам (стихи 39–83)
4	Второе моление о чаше	Мучения Христовы от знания Своей участи (стихи 84–106)
		Второе обращение к ученикам (стихи 107–114)
5	Третье моление Христа	Душевные мучения Христа (стихи 115–130)
		Молитва (стихи 131–150)
		Описание состояния после молитвы (стихи 151–154)
6	Чудо с Ангелом	Явление ангела (стихи 155–171)
7	Фрагмент о сатане	Описание «царства тьмы» и сатаны, противопоставление фрагменту об Ангеле и небесном мире (стихи 172–186)
8	Фрагмент о небесном мире	Окончание чуда с Ангелом (стихи 187–192)
9	Возвращение Христа к ученикам	Преображение, третье обращение к ученикам (стихи 193–206)
10	Появление Иуды	Финал (стихи 207–210)

Композиция произведения довольно сложна и многослойна. Большинство смысловых частей разделяется на несколько фрагментов, каждый из которых имеет самостоятельное значение. Взаимоотношения этих частей также специфичны. Части № 3–5 объединяются в одно целое благодаря параллелизму: все моления строятся по единой смысловой и синтаксической структуре, но различны по смыслу. Можно говорить о градации, постепенном снижении эмоциональных оттенков от возмущения до принятия участи. Иначе взаимодействуют части № 6–8, где противопоставлены небеса и царство тьмы. В девятой части подразумевается и нетождественность небес-

ного и земного миров: «Поднявшись тихо, небожитель / Летел к надзвёздным высотам, – / Меж тем всемирный Искупитель / Опять пришёл к ученикам» [32. С. 122].

Поэма начинается с пейзажа, который усложнён разделением на две фрагмента. В первом дан социальный фон: природа неразрывна с миром людей, на что указывают локусы полей, садов и города: «День ясный тихо догорает; / Чист неба купол голубой; / Весь запад в золоте сияет / Над Иудейскою землёй. / Спокойно высясь над полями, / Закатом солнца освещён, / Стоит высокий Елеон¹ / С благоуханными садами. / И, полный блеска, перед ним, / Народа шумом оживлённый, / Лежит святой Ерусалим, / Стеною твёрдой окружённый» [32. С. 117]. Очевидно движение от небесного мира через горные сады к суетному пространству грешного города. Упоминание стен также неслучайно и вводит мотив неволи человеческой жизни. Этому ограниченному нижнему миру противопоставлено описание вольного безграничного приморья с высоты птичьего полёта; герой находится, будто на горе, рассматривая бесконечные просторы: «Вдали Гевал и Гаризим, / К востоку воды Иордана / С роскошной зеленью долин / Рисуются в волнах тумана, / И моря Мёртвого краса / Сквозь сон глядит на небеса. / А там, на западе, далёко, / Лазурных Средиземных волн / Разлив могучий ограждён / Песчаным берегом широко...» [32. С. 117–118]. Гармоничность этой картины вселенская; соединение лазури неба и морской синевы создаёт прекрасный и идеальный Космос. Д.М. Ковалёв замечает, что никитинский пейзаж психологичен и дан через призму его созерцания лирическим субъектом [56. С. 24]². Особый нюанс – многоточие в конце первой части. Фигура умолчания может интерпретироваться двойственно: как наслаждение созерцающего героя красотой природы и как горький вздох перед последующими событиями.

Вторая часть продолжает первую за счёт мотива смены времён суток от солнечного заката к лунной ночи: «Темнеет... всюду тишина... / Вот ночи вспыхнули светила, – / И ярко полная луна / Сад Гефсиманский озарила» [32. С. 118]. Этот ноктюрн – самый мелодичный фрагмент поэмы, описание звёздного неба будто навеяно идеей о музыке сфер. Важную роль здесь иг-

¹ Сады Елеона уже «намечают» на Гефсиманский сад. В.С. Кинешемский так характеризует данный топос: «Достигнув подошвы горы Елеонской и перейдя небольшой Кедронский поток, Господь с учениками вошёл в находившийся здесь Гефсиманский сад. Это было уединённое место, тихий укромный уголок, где Спаситель любил бывать для молитвы и для задушевных бесед с учениками. <...> Гефсиманский сад, удалённый от городской суеты, был самым подходящим местом для последней тихой, уединённой молитвы» [55. С. 296].

² Нередко природа воспринимается поэтом как храм, где герой творит искреннюю сердечную молитву: «Вот уж веет прохладой ночью; / Грезит колос над узкой межою; / Месяц огненным шаром встаёт, / Красным заревом лес обдаёт. / Кротко звёзд золотое сиянье, / В чистом поле покой и молчанье; / Точно в храме, стою я в тиши / И в восторге молось от души» («В синем небе плывут над полями...») (1858)) [32. С. 285].

рают цезуры, замедляющие звукоизвлечение, а также аллитерации на боковой сонорный «л», глухие «с», «ш», назальный «н» и ассонанс на «и». Преобладание данных фонетических единиц вовлечено в процесс звуковой семантизации: создаётся ощущение тишины, уединённости, имитируются звуки ночной природы. Но если согласные «л», «с», «ш», «н» – зубные и артикулируются ближе к кончику языка, то начинающие доминировать в следующем отрывке заднеязычный «к» и нёбно-зубной «р» маркируют темы тяжести и вечного проклятия земного мира. Отмеченное «вторжение» согласных «к» и «р» вместе с продолжающим доминировать зубным «с» связано с переходом к новой части, посвящённой сну человечества и апостолов и страстям христовым: «Их сон спокоен и глубок; / Но тяжело спал мир суровый: / Веков наследственный порок / Его замкнул в свои оковы, / Проклятье праотца на нём / Пятном бесславия лежало / И с каждым веком новым злом / Его, как язва, поражало...» [32. С. 118]. Соединение данных звуков, как будет доказано далее, вводит в поэму тему креста, которая станет в последующих стихах своеобразным лейтмотивом, возникающим и на тематическом, и на фоническом уровнях. Упоминание оков отсылает к образу стен Иерусалима: мир разделён на космическую бесконечную и земную (человеческую) ограниченную сферы.

Мы переходим к изучению эпизода страданий Христа и Его трёх молитв, который является смысловым центром поэмы. Никитин следует традиции русской молитвенной лирики, в которой, по мысли В.А. Котельникова, «лежит не стилизация молитвословия, а такой акт религиозно-языкового творчества, который включает в себя момент реального богообщения и богопознания» [9. С. 19]. Никитину особенно важно показать внутреннюю борьбу Христа, Его психологические мучения. Состояние Спасителя меняется от возмущения и скорби одиночества («За слово истины высокой / Голгофский крест предвидел он. / И чувством скорби возмущён, / Отцу молился одиноко» [32. С. 119]), плача («Сказал – и тихо удалился / Туда, где тихо плакал он, / И той же скорбью возмущён, / На землю пал он и молился» [32. С. 119]) к преодолению человеческой слабости и преображению. Отметим настойчивые повторы звуков «к», «р», «с», «т». Это сочетание звуков продолжает выделенный ранее лейтмотив «креста», центральный в этом отрывке (слово «крест» упомянуто четыре раза), причём здесь учащаются аллитерации на «т»: «И те, которым со креста / Пошлёт Он дар благословенья, / С улыбкой гордого презренья / Поднимут руки на Христа...», «И если Твоему народу / Позор Мой благо принесёт, / Пускай за общую свободу / Сын человеческий умрёт!» [32. С. 119]. Тема креста (распятия), о чём думает Христос в Гефсиманском саду, как бы впечатывается во внутреннюю форму текста, высвечивается на уровне фоники, подчёркивая болезненные и напряжённые размышления Спасителя. Несмотря на осознание трагической участи, Он смиренно принимает её. Богообщение становится диалогом Отца и Сына, а богопознание равнозначно самопознанию Спасителя.

Рассмотрим мотив страдания. В деяниях святых Апостолов говорится, что именно через «многие скорби» лежит путь в Царствие Божие [47. Деян.

14:22]. Боль Спасителя связана с Его одиночеством в мире (даже апостолы спят), с тем, что радость Царствия Небесного не была воспринята людьми, что Он «пришёл к своим, и свои Его не приняли» [47. Ин. 1:11]. Используемая градация необходима для изображения страстей Христа и акцентирования внимания на человечности Спасителя, чья душа полна страдания за других, а финальное смирение равнозначно «превращению в молитву»: «И вот опять Он удалился / Под сень смоковниц и олив, / И там, колени преклонив, / Опять Он плакал и молился: <...> И руки к небу Он подъял, / И весь в молитву превратился; / Огонь лицо Его сжигал, / Кровавый пот по Нём струился» [32. С. 120–121]. Кровавый пот связан с наивысшим напряжением моления Христа, началом Его преображения и мощью моления. Никитин описывает миг исключительного физического-физиологического (гематидроз) и духовного напряжения, когда тело не может выдержать силы этой молитвы, символизирующей становление в Богочеловека и обретение полноты Логоса. На это указывают изменения в графической структуре: вначале личные местоимения, относящиеся к Христу, написаны со строчной буквы, а в финале – с заглавной. Происходит превращение из человека в божество. Меняются стихии. Вначале этой части возникает сад из олив и смоковниц (растительная земная символика), который сменится небесной-воздушной сферой, образами луны и звёзд: «Спокойно в выси голубой / Светил блистали мириады, / И полон сладостной прохлады / Был чистый воздух. Над землёй» [32. С. 122]. Данные изменения можно назвать параллелизмом: преображение Христа в Богочеловека сопровождается переходом от земных образов к небесным, что позволяет говорить о возвышении и Спасителя, и окружающей Его природы. Изменения касаются слов Христа. Никитин использует различные синтаксические приёмы, благодаря которым изображена живая, эмоциональная речь Спасителя, Его сердечная молитва, что подчёркивает Его человеческое начало. В первом молении Он представляет Себя как мученика, не желающего погибать от рук иерусалимской черни. Его отчаяние и скорбь переданы с помощью риторических восклицаний: «О, подкрепи меня, молю, / Моя душа изнемогает!», «О, да минует чаша эта, / Мой Отче, Сына Твоего! / Мне горько видеть злобу света / За искупление его!», «Но не Моя да будет воля, / Да будет так, как хочешь Ты!»; умолчания: «С улыбкой гордого презренья / Поднимут руки на Христа...», инверсии: «Проклятьем черни поражён, / Измученный и обнажённый, / Перед толпой поникнет Он / Своей главой окровавленной». Выделим анадиплосис «Твой Сын безропотно умрёт, / Умрёт за общую свободу» [32. С. 119]. Повтор глагола *умрёт* усиливает психологическое напряжение, тему смерти и страха перед ней.

Второе моление близко по структуре первому, но тональность его меняется, возникают мотивы любви Божией и сомнения в Своей миссии на земле: «Ты, Отче, в мир Меня послал, / Но Сына мир Твой не приемлет: / Ему любовь Я возвещал – / Моим глаголам он не внемлет» [32. С. 119]. Очевидны отсылки к всепрощению Спасителя («Я был врачом его больным, / Я за врагов моих молился») и воскрешению Им мёртвых: «Народу мир я

возвещал, / Народ судом Мне угрожает, / Я в мире мёртвых воскрешал – / И мир мне крест приготовляет») [32. С. 120]. Но важным отличием от предыдущей молитвы здесь является фигура антитезы, которая создаёт особую смысловую и синтаксическую схему. В первых стихах Иисус говорит о благе, которое Он принёс людям, а в итоговых – о неблагодарности народа. Тема смирения связана с мотивами горя и невозможности избежать участи: «И взор в тоске невыразимой / С небес на землю он низвёл, / И снова скорбию томимый, / К ученикам он подошёл» [32. С. 120]. Важно описание душевных страданий Христа между второй и третьей молитвами: «Что думал Он в минуты эти, / Как Человек и Божий Сын, / Подъявший грех тысячелетий, – / То знал Отец Его один. / Но ни одна душа людская / Не испытала никогда / Той боли тягостной, какая / В Его груди была тогда, / И люди, верно б, не поняли, / Весь грешный мир наш не постиг / Тех слёз, которые сияли / В очах Спасителя в тот миг» [32. С. 120]¹. В этом фрагменте особенно важен стих «Как Человек и Божий Сын», где слово «Человек» написано с заглавной буквы, что маркирует тему гуманистического идеала Христа. Внутренняя работа, которая происходит с Ним, остаётся великой загадкой для всех людей мира, не способных познать страшные муки, которые Он испытал перед преображением в Богочеловека. Этой борьбе посвящено последнее моление, в котором Он принимает на Себя все грехи мира: «Позор людской, позор веков, – / Всё на себя Я принимаю, / Но Сам под тяжестью оков, / Как человек, изнемогаю... / О, не оставь Меня в борьбе / С Моею плотью земною, – / И всё угодное Тебе / Тогда да будет надо Мною! / Молюсь: да снидет на Меня / Святая сила укрепления! / Да совершу с любовью Я / Великий подвиг примиренья!» [32. С. 121]. Словосочетание «тяжесть оков» вновь связано с земным миром, плотью и человеческой природой. Именно после этого моления к Христу нисходит божий посланник, происходит последняя победа Спасителя над искушением сатаны и символическое освобождение от земного бремени. Наивысшая точка молитвы – точка Преображения наступает, когда Христос весь превращается в молитву. Именно в этот миг и Спаситель, и Вселенная освобождаются через скорбь к радости. Эта свобода знаменует победу над дьяволом, который пребывает в одиночестве и злобе: «Вокруг молчало всё глубоко; / Была на небе тишина, – / Лишь в царстве мрака одиноко / Страдал бесплодно сатана» [32. С. 122].

Любопытна мысль В.И. Кузнецова о мотиве битвы добра и зла в поэме: «В основе лирического сюжета “Моления о чаше” лежит текст Св. Писания, но поэт так его трансформировал, что Христос у него более похож на социального реформатора, нежели евангельского героя» [57. С. 47], по мысли исследователя, поэма воспринималась «не как божественное откровение, а

¹ Раздумья Христа стали темой для размышления в работе В. Кинешемского: «Что переживал в эти минуты Спаситель и отчего Он ужасался и тосковал? Отчего смертельно скорбела душа Его? Несомненно, пред Ним вставала картина предстоящей страшной казни...» [55. С. 296].

как призыв к борьбе с земным злом» [57. С. 47]. На наш взгляд, это наблюдение В.И. Кузнецова вписывается в контекст уже упомянутых работ, в которых лирика Никитина и, в частности, поэма «Моление о чаше» рассматривались в контексте его гуманистических и социальных взглядов. В молитве Христа подчёркивается Его деятельность во благо человечества и готовность умереть во имя всемирной свободы: «День казни близок: он придёт, – / На жертву отданный народу, / Твой Сын безропотно умрёт, / Умрёт за общую свободу...» [32. С. 118–119]. Невозможно не выделить близость этой строфы письму Белинского, в котором подвиг Христа мыслится в терминах Великой французской революции. Общая свобода, во имя которой приносит себя в жертву Спаситель, являет собой освобождение всего человечества от тьмы и греховности, его приход к Богу и просветление. Тема воли повторяется часто, а словосочетание «общая свобода» становится рефреном поэмы: «Он знал, что в мире колебался / Его владычества кумир / И что бесславно падший мир / К свободе новой приближался» [32. С. 122]. Спаситель в «Молении о чаше» выступает как носитель гуманистических идеалов. Поэма Никитина становится выражением его социальных взглядов, во многом, испытавших влияние В.Г. Белинского и поэтов-демократов. Христос в «Молении о чаше» – это Спаситель мира, который стремится вывести его к истинной духовной свободе и спасению в Боге, неудивительно, что Иерусалим описан как проклятый и больной город, а Христос как «врач». В строке «за общую свободу» Никитин цитирует послание Павла римлянам: «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суеде не добровольно, но по воле покорившего её, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих» [47. Рим. 8:19–21]. В поэме подразумевается выход человечества из тварного, почти животного состояния к свету богопознания и славе Господней. Поэтому моления Христа допустимо трактовать как молитвы общечеловеческие, всемирные. Таким образом, религиозное содержание поэмы можно охарактеризовать как близкое «секулярному христианству» в русской литературе XIX в. Идея свободы, о которой возвещает Христос в молитве, отражает основные идеалы поэтов демократов, к которым относится И.С. Никитин, а также В.Г. Белинского. В то же время в поэме можно говорить об идеализированном образе Христа, «искренно», «с любовью» идущего на жертву во имя всеобщей благодати, в данном случае поэма вдохновлена православным мироощущением самого автора, искренне верившего в подвиг Спасителя.

Исходя из всего вышесказанного, допустимо сделать вывод, что Никитин провозглашает действие трёх молитв как путь от скорби к радости, от человеческого к божественному, от мрака к свету. В поэме Спаситель трижды выходит к спящим апостолам, взывает к ним и остается в одиночестве бодрствования на пути к Богу, от плоти к духу: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна» [47. Мк. 14:38]. Оппозиция дьявольское–священное – центральная. Грешный земной мир близок царству сатаны. Несмотря на «испитие чаши», Христос остаётся

один на один с предательством и грядущей казнью: «Ученики, как прежде, спали, / И вновь Спаситель им сказал: / “Вставайте, близок день печали / И час предательства настал...”» [32. С. 122]. Христос воспринимает всё, что предстоит ему пережить, с горечью и болью, а фигура умолчания в конце этой фразы маркирует эмоциональную тяжесть, горький вздох человека, идущего на Голгофу. Эти стихи противопоставлены по содержанию более раннему фрагменту о преображении Христа и Его твёрдом принятии участи: «И в это чудное мгновенье / Как был Он истинно велик, / Каким огнём одушевления / Горел Его прекрасный лик! / Как ярко отражали очи / Всю волю твёрдую Его, / Как радостно светила ночи / С высот глядели на Него!» [32. С. 122]. Словосочетание «день печали» можно интерпретировать и как осмысление Голгофы как трагедии для мира, и как личную драму Христа. Но нельзя не согласиться с мыслью Ю.В. Лебедева о «величии и красоте христианского самопожертвования» в этой поэме [58. С. 86]. В стихе «Всю волю твёрдую Его» возникает тема искреннего самопожертвования во имя свободы всего человечества.

Финальное появление Иуды и стражников можно трактовать как антитезу по отношению к идиллическому пейзажу в начале поэмы, а также к картине уединённого Гефсиманского сада, где молился Спаситель: «И звук мечей остроконечных / Сад Гефсиманский пробудил, / И отблеск факелов зловещих / Лицо Иуды осветил» [32. С. 122]. Высший и низший миры противопоставлены по ряду мотивов: космос – хаос, жизнь – гибель; свет – тьма; свет – огонь; шум – безмолвие. Мотив благодатного молчания связан с образами небес и Гефсиманского сада («Темнеет... всюду тишина...», «Была на небе тишина», «И вдруг с безоблачных небес, / Лучами света окружённый, / Явился в сад уединённый / Глашатай Божиих чудес» [32. С. 119–121]), а мотив шума – с пространством Иерусалима («Народа шумом оживлённый», «Ерусалима шум забыв») и образом Иуды. Тишину сада нарушает звон мечей, связанный с темами агрессии и убийства. Важен мотив горящих факелов, чей огонь освещает лицо ученика-предателя, что ассоциируется с Адом и антонимично Христу, чей лик освещён ночными светилами. Иуда – носитель сатанинского начала; это единственный из учеников, названный в поэме, что связано с его противопоставлением Христу, победившему в последней битве с дьяволом и обретшему божественную природу.

Итак, произведение И.С. Никитина написано в традициях русской религиозной лирики, причём оно соединяет в себе две магистральные жанровые тенденции. В «Молении о чаше» воплощены основные черты религиозной поэмы: абсолютное следование библейскому предтексту, сохранение структуры персонажей, тщательное воссоздание места действия. Но смысловым центром поэмы становится молитва, обращение к которой необходимо поэту для описания страстей христовых, создания живого и психологически меняющегося образа Спасителя, что изображено благодаря использованию различных синтаксических фигур и фонических приёмов. Как и в поэзии предшественников, молитва становится способом богопознания и богообщения. Но в поэме можно говорить о своеобразном восприятии традиции.

Богопознание равнозначно самопознанию, обретению Себя как Божьего Сына, а богообщение становится диалогом с Отцом. Молитва у Никитина обретает вселенское значение, это символ победы над злом, дьяволом и тьмой. Но важным моментом является восприятие подвига Христа. Это, бесспорно, преображение в божественного избранника, но в то же время Он имеет человеческое начало и принимает гибель во имя всемирной свободы и всеобщего благоденствия, что выражает социальные идеалы эпохи. Никитин создаёт не «поэтическое переложение» евангельского сюжета, а поэму о страстях христовых, испытанных перед становлением в качестве Богочеловека, в котором обе природы гармонично соединены, и чей альтруистичный подвиг выражает гуманистические взгляды поэта.

«Моление о чаше» И.С. Никитина (богословский аспект)

Мы приступаем к анализу «теологической основы» поэмы Никитина. Теоретической базой исследования стали труды раннехристианских и средневековых богословов (Иоанн Златоуст, Феофилакт Болгарский, Евфимий Зигабен), русских и зарубежных теологов XIX–XX вв. (М.Д. Муретов, Д.Ф. Штраус, В.С. Кинешемский), а также толкование Катехизиса и церковной истории О.В. Давыденкова. Привлечение этих источников необходимо для углублённого исследования основных символов, общих для поэмы и новозаветного сюжета, рассмотрения образа Христа сквозь призму богословского спора о двуприродности Спасителя и Его воплощений (Божий Сын, Спаситель, Искупитель), возникающих в поэме, и для интерпретации онтологической категории Логоса, которая занимает значимое место в «Молении о чаше».

Рассмотрим строки из Евангелия от Матфея на церковнославянском языке, ставшие эпиграфом к поэме: «И, прешед мало, паде на лице своем, моляся и глаголя: отче мой, аще возможно есть, да мимо идет от мене чаша сия: обаче не яко же аз хошу, но яко же ты» [32. С. 117]. Использование этой цитаты неслучайно: Никитин заостряет внимание именно на молении Христа в Евангелии, которое цитируется в эпиграфе и становится главной темой произведения. Главным сходством с Евангелием от Матфея (и Марка) также можно назвать троекратную молитву. Но из Евангелия от Луки взяты мотивы кровавого пота и явления Ангела [47. Лк. 22: 43–44], а из Евангелия от Иоанна – сцена появления Иуды с вооружёнными стражниками: «Иуда, взяв отряд воинов и служителей от первосвященников и фарисеев, приходит туда с фонарями и светильниками, и оружием» [47. Ин. 18:3]¹. Главное отличие сюжета поэмы от евангельских предтекстов – речь Христа. Матфей пишет, что вторая и третья молитвы были одинаковы: «И, оставив их, отошёл опять и помолился в третий раз, сказав то же слово» [47. Мф. 26: 39–44]. У Луки Иисус молится только один раз, взойдя на камень [47. Лк. 22:

¹ Д.Ф. Штраус выделяет, что Иоанн является единственным евангелистом, упомянувшим об этом [59. С. 440].

41–47]. У Никитина Иисус встаёт на колени («На землю пал он и молился»), как это описано в Евангелиях от Матфея и от Марка [47. Мф. 26:39; Мк. 14:36]. Самое важное, что в финальной молитве у Никитина Христос чашу не упоминает, что противоречит и названию поэмы, и Евангелию: «Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить её, да будет воля Твоя» [47. Мф. 26: 39:42].

В святоотеческих толкованиях чаша трактуется как символ мучений и смерти, на которые идёт Иисус: «Чашею он называет Свои страдания и смерть, показывая, с одной стороны, что эти страдания так легки, как легко выпить чашу, а потому и нам должно с готовностью идти на страдания, а с другой стороны, названием “чаша” показывая, что и Сам Он добровольно идёт на смерть. Далее, как выпивший чашу, будучи отягчен, тотчас засыпает, так и испивший чашу страдания погружается в сон смерти» [60. С. 101]. У Никитина нельзя говорить о «лёгкости» этого действия; для Христа это тяжёлое испытание. Неупоминание чаши в последнем молении знаменует её испытание и обретение духовной силы. В поэме Христос молится три раза. Тройственность моления в Евангелиях от Матфея и Марка Иоанн Златоуст трактует как символ человеческого совершенства [61. С. 243]. Эту мысль развивает Феофилакт Болгарский: «...стал молиться в третий раз, уверяя в Своём человечестве, ибо число три служит показанием истины и достоверности» [60. С. 135].

Д.Ф. Штраус упоминает связь этих молитв с тремя искушениями дьявола [59. С. 434–435], что находит отражение у Никитина, в чьей поэме возникает образ сатаны: «Винovníк зла, он понимал, / Кто был Мессия воплощённый, / О чём Отца Он умолял, / И, страшной мукой подавлённый, / Дух гордый молча изнывал, / Бессильной злобой сокрушённый...» [32. С. 122]. Связь моления и искушения отмечал Евфимий Зигабен: «Марк говорит, что прежде этих слов Иисус Христос сказал: приспе (*αλεγει*), т.е. дьявол получил власть против Меня» [62. С. 201]. В традиционных толкованиях с дьяволом связан и Иуда, что мы наблюдаем в «Молении о чаше». Для Феофилакта Болгарского моление – это оружие против сатаны: «Скорбит вместе с тем и для того, чтоб утаить Себя от диавола, чтоб диавол напал на Него, как на простого человека, и умертвил Его, а чрез это и сам был бы низложен» [60. С. 134–135]. Иуда поддался дьявольскому искушению при совершении предательства: «Один из “двенадцати”, – сказал евангелист, показывая с удивлением, что Иуда предал себя диаволу, несмотря на то, что был избран и с первыми поставлен» [60. С. 135]. В.С. Кинешемский также выделяет связь Иуды с сатаной: «Вот почему нас возмущает предательство Иуды; вот почему его поступок в песнопениях церковных называется “ножом, намазанным мёдом”; и вот почему в христианской иконографии он помещается в аду на коленях у сатаны» [55. С. 306]. Духовные испытания Христа в Гефсимании были Его последним искушением: «...последняя борьба Спасителя с сатаной, борьба внутренняя, незримая, в тайниках души, но страшная в своей напряженности» [55. С. 297]. Можно утверждать, что поэма в ряде

своих сюжетных моментов следует традиционным трактовкам евангельского сюжета. При этом борьба с сатаной осмыслена Никитиным именно в философском ключе, как битва за человеческие души, победа Христа знаменует будущее освобождение многих людей из дьявольской тьмы к божественному свету.

Очевидна сложность библейской основы. Никитин обращается ко всем Евангелиям, включая в поэму сюжетные элементы из книг каждого апостола; также он вводит мотив искушения Христа дьяволом, о чём написано в святоотеческих толкованиях, но не в Священном Писании. Усложнение касается и образа Христа, представленного в различных атрибутах действующего: «Посланник Бога», решающий судьбу мира – Человек – Сын Божий – Учитель – Врач – Спаситель – Жертва – Воплощение божественной Любви – Освободитель¹ – земной кумир – Мессия – всемирный Искушитель. Восприятие Иисуса как Посланника Божьего связано с Его именем, означающим «помазанник», данное слово имело ряд коннотаций – пророк, царь, мессия [63. С. 95]². Наименование «Сын Божий» в поэме представляется также традиционным, это второе лицо Троицы: «При этом Спаситель никогда не использует выражение “Отец наш”, не объединяя Себя в Своём богосынстве с прочими людьми. Различие в словоупотреблении указывает на разное отношение к Отцу: “Отец ваш” употребляется в значении усыновления людей Богу, а “Отец Мой” – в собственном смысле» [63. С. 96]. Христос воспринимает Себя как посланника, что близко осмыслению Его фигуры как орудия Господнего промысла [63. С. 98]. Традиционно понимание Христа как Спасителя. Заметим, что в поэме Он говорит о готовности к Голгофе ради гармонии между Богом и людьми: «Но если кровь нужна святая, / Чтоб землю с небом примирить, – / Твой вечный суд благословляя, / На крест готов Я восходить» [32. С. 120]. В традиции посредническая роль Христа как Мессии и небесного посланника заключалась в примирении высшей и низшей сфер [63. С. 109–110]³.

Выделим цитату из «Посланий Иоанна» во второй молитве Спасителя («Ты Бог любви, начало света»). Никитин вводит ещё одну богословскую трактовку образа Христа, как откровения божией любви: «“Бог есть любовь”. При этом Отец есть Источник любви: “Ибо так возлюбил Бог мир,

¹ «И близ Спасителя он стал / И речью, свыше вдохновенной, / Освободителя вселенной / На славный подвиг укреплял. / И сам подобный лёгкой тени, / Но полный благодатных сил, / Свои воздушные колени / С молитвой пламенной склонил» [32. С. 121].

² «Имя “Христос” означает “Помазанник”, по-еврейски помазанник – “Машиах”, в греческой транскрипции – “Мессия” (messias). В Ветхом Завете помазанниками называли пророков, царей и первосвященников, служение которых прообразовывало собой служение Господа Иисуса Христа» [63. С. 95].

³ Человеческое обличие Он сохранил и после Вознесения: «В Евангелии Господь предстаёт во всей полноте психофизических обнаружений человеческой природы. Так, Спасителю усвоится истинно человеческое тело со всеми его частями, свойствами и отправлениями. Эта истинная, а не призрачная телесность, по словам Самого Господа, сохраняется и после Воскресения Его из мёртвых» [63. С. 110].

что отдал Сына Своего Единородного”. Сын есть Явление Любви, Откровение её: “Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир Сына Своего”» [63. С. 98]. В Евангелиях в сюжете о Гефсиманском саду нет намёков на эту мотивику. Здесь Никитин показывает своё отношение к Христу как к воплощению высшей божественной любви, Он воспринимается как дар Бога людям, который они не приняли. На небесную природу Христа указывает слово *врач*, что восходит к пониманию Спасителя как исцелителя душ: «Господь воплотился, чтобы спасти, исцелить повреждённую грехом человеческую природу; поэтому то, что Господь воспринял в единство Своей Ипостаси, то и исцелено, и напротив, если бы нечто не было воспринято, то осталось бы в падшем состоянии» [63. С. 115]. Обратимся к главному тезису IV Вселенского собора в Халкидоне, где было провозглашено единство человеческого и божественного и их неразрывном слиянии во Христе [63. С. 116]. Это «общение свойств» становится одной из главных тем поэмы. Но Никитин вкладывает в неё своё осмысление страдания Спасителя как Его скорбь по человечеству.

Рассмотрим подробнее мотив «превращения в молитву». Это изменение можно трактовать как преображение в Слово Божие, одно из основных воплощений Христа в Евангелии от Иоанна [64. С. 320–321]. Христос обретает Свою неизменную онтологическую сущность Логоса. В этот краткий по времени момент максимального напряжения, которое не выдерживает Его тело, покрывающееся кровавым потом, Христос осознаёт Себя как второе лицо Троицы. Моление знаменует переход в лик Богочеловека, осмысление собственного богосыновства. Данный процесс можно трактовать как обретение силы, полноты и идеала Христа. Но в то же время следует учитывать содержания трёх молений. В них раскрывается тема страдания за человечество, альтруистическое желание освобождения людей от оков их тварного бытия мира, отчего Логос, в который превращается Иисус, становится символом всемирного Спасения и залогом освещения мрака Вселенной. Поэтому понятие Логоса и моления обретает не только религиозную, но и социально-гуманистическую основу, что связано с философскими взглядами И.С. Никитина.

Заключение

Поэма И.С. Никитина «Моление о чаше» представляет собой религиозный текст, в котором богословский и литературный коды взаимодополняют друг друга. Прделанный двунаправленный анализ произведения позволил нам сделать следующие выводы. Поэма Никитина во многом следует традиции русской религиозной поэзии на уровнях жанра, сюжета, хронотопа и структуры персонажей. Причём в этом тексте соединены как черты религиозной поэмы, так и молитвенной лирики. Моление у Никитина имеет своеобразную трактовку. С одной стороны, это личное общение с Богом-Отцом, но с другой стороны, это великая сила, позволяющая преодолеть мировое зло и совершить победу над дьяволом.

Теологическая интерпретация поэмы позволяет выделить в ней элементы, которые возможно обнаружить при знании богословия. Во-первых, это введённый поэтом мотив искушения Христа дьяволом, который не упоминается апостолами, но рассматривается богословами. В «Молении о чаше» победа над сатанинским искушением подчёркивает величие и силу подвига Христа, который, несмотря на Свои сомнения, всё же испивает чашу до дна. Во-вторых, образ Спасителя возникает у Никитина во многих атрибутах Деятеля. И если некоторые из них достаточно традиционны и понятны без контекста (Искупитель грехов, Спаситель, врач), то другие имеют более сложную трактовку. Это касается, прежде всего, мотива «превращения в молитву», знаменующего преображение Христа и Его победу над плотью и становление в Логосе, Священном Слове, освещающем бытие. Трагедия заключается в том, что люди не приняли свет и любовь, которые несёт Слово Божие и в которое превращается Христос.

Вводя в поэму отсутствующие в Четвероевангелии, но известные лишь в богословии мотивы, Никитин создаёт произведение, в котором затронуты как философские общечеловеческие вопросы, характерные для многих «христианских» текстов русской литературы (добро и зло, страдание во имя мира, добровольный уход на смерть ради всего человечества, предательство Иуды), так и теологические, известные в научном богословии (природа Христа, восприятие Его как Логоса, искушение дьяволом). В поэме образ Спасителя целостен, но особо подчёркивается человеческое начало в Нём, что обусловлено гуманистическими взглядами поэта. Провозглашение всеобщей свободы в молении Спасителя выражает духовные идеалы Никитина, его чаяния всеобщего равенства и воли, что обусловлено влиянием поэтов-демократов и В.Г. Белинского. В этом случае христианство И.С. Никитина можно отчасти назвать секулярным, ибо в поэме поднят глобальный вопрос о всеобщем благоденствии, во имя которого Христос приносит Себя в жертву, что вписывается в контекст литературного процесса 1850–1860-х гг. Но нельзя отрицать тот факт, что в «Молении о чаше» отразились и идеалистические взгляды на религию самого поэта, имевшего религиозное воспитание и образование, а потому искренне верившего в Бога и Христа, отчего его поэма вдохновлена его личным православным мироощущением и искренней верой.

Список источников

1. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. М., 1996. 464 с.
2. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи : В 3 т. Таллин, 1992. Т. 1.
3. *Лотман Ю.М.* Текст как динамическая система : Структура текста-81 : сб. тез. симп. М., 1981. С. 104–105.
4. *Лотман Ю.М.* Семiosфера. СПб., 2010. 704 с.
5. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М., 1970. 384 с.
6. *Долгушин Д.В.* Религиозная интерпретация русской литературы: между доктриналогией и персонологией // Toronto Slavic Quarterly. 2013. № 44. С. 322–329.
7. *Есаулов И.А.* Евангельский текст в русской культуре и современная наука // Евангельский текст в русской литературе: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. 2011. Вып. 6. С. 5–23.

8. *Лавров А.В.* В.М. Жирмунский в начале пути // Русское подвижничество : сб. ст. М., 1996. С. 337–352.
9. *Котельников В.А.* Православие в творчестве русских писателей XIX века // Христианское чтение. 1994. № 9. С. 7–42.
10. *Коровин В.Л.* Библейские темы в русской поэзии XVIII – первой половины XIX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2017. 38 с.
11. *Долгушин Д.В.* Ещё раз о святоотеческих мотивах в «Шинели» Н.В. Гоголя // Сибирский филологический журнал. 2007. № 4. С. 30–35.
12. *Климова М.Н.* Святость и соблазн (образ Марии Египетской в русской литературе) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 4 (24). С. 90–95.
13. *Раскольников Ф.* Пушкин и религия // Вопросы литературы. 2004. № 3. С. 81–112.
14. *Анненкова Е.И.* Исторический путь и этика православия в концепции А.С. Хомякова и Н.В. Гоголя : Христианство и русская литература : сб. ст. Вып. 1. СПб., 1994. С.209–223.
15. *Бурова Ю.В.* Библейские и святоотеческие основания творчества Ф.М. Достоевского как историко-культурного феномена : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2004. 24 с.
16. *Габдуллина В.И.* Евангельская притча в авторском дискурсе Ф. М. Достоевского : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2008. 46 с.
17. *Кириченко О.А.* Роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Библейские цитаты как средство выражения авторской идеи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2008. 26 с.
18. *Куркина Т.Н.* Повесть «Хаджи-Мурат» в свете художественных и религиозных исканий Л.Н. Толстого: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002. 199 с.
19. *Новикова-Строганова А.А.* Религиозно-нравственные искания в творчестве Н.С. Лескова 1880-х–1890-х годов : автореф. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 45 с.
20. *Макаревич О.В.* Интерпретация религиозных текстов в творчестве Н.С. Лескова второй половины 1870-х–1890-х гг. Вопросы проблематики и поэтики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2014. 25 с.
21. *Эгеберг Э.* Библейские мотивы в лирике А.А. Фета // Проблемы исторической поэтики. 1998. № 5. С. 250–253.
22. *Черемисинова Л.И.* Религиозные образы в стихотворении А.А. Фета «Оброчник» // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 80–84.
23. *Косицына Н.О.* Лексика религиозной культуры в идиолекте А.А. Фета : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2011. 21 с.
24. *Степанов М.М.* Иван Саввич Никитин, его отношение к православной церкви и религиозно-нравственные стихотворения. Казань : Центр типографии, 1911. 28 с.
25. *Сивицкий Ф.Е.* И.С. Никитин. Его жизнь и литературная деятельность. Биографический очерк. СПб. : Тип. В.И. Штейна, 1893. 78 с.
26. *Никитин И.С.* Сочинения с портретом, facsimile и биографией. СПб. : Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1914. 394 с.
27. *Тонков В.А.* И.С. Никитин. Очерк жизни и творчества. М. : Просвещение, 1968. 128 с.
28. *Черешнева Г.П.* Поэзия И.С. Никитина в литературном процессе 1840-х – начала 1860-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 28 с.
29. *Чернышевский Н.Г.* Собрание сочинений : в 10 т. СПб. : Изд-во П.О. Яблонского, 1906. Т. 2.
30. *Белинский В.Г.* Письмо В.Г. Белинского Н.В. Гоголю от 15 июля 1847 года // Н.В. Гоголь в русской критике : сб. ст. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1953. С. 243–252.

31. *Никитин И.С.* Сочинения. М. : Худ. лит., 1980. URL: http://az.lib.ru/n/nikitin_i_s/text_0030.shtml (дата обращения 20.05.2024).
32. *Никитин И.С.* Полное собрание стихотворений. М. ; Л. : Сов. писатель, 1965. 616 с.
33. *Семёнов М.М.* Религиозные мотивы поэзии И.С. Никитина // Воронежские епархиальные ведомости. 1901. № 11. С. 505–514.
34. *Монахова И.Р.* Белинский и Гоголь. Штрихи к двойному портрету // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12, № 2. С. 133–142.
35. *Никитин И.С.* Дневник семинариста. СПб. : Деятель, 1912. 109 с.
36. *Романов Д.А.* Лирика И.С. Никитина в ракурсе современной лингвопоэтики (к 200-летию со дня рождения поэта) // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2024. Вып. 2 (53). С. 243–257.
37. *Боченков В.В.* Особенности рецепции стихотворений И.С. Никитина в публицистике старообрядческого епископа Михаила (Семёнова) // Вестник Воронежского государственного университета. 2018. № 3. С. 18–23.
38. *Семёнов М.М.* Религиозные мотивы поэзии И.С. Никитина // Воронежские епархиальные ведомости. 1901. № 12. С. 542–555.
39. *Черешнева Г.П.* Религиозно-патриотические настроения в поэзии Ивана Саввича Никитина в период Крымской войны 1853–1856 годов. Литература и история. XIX век : сб. науч. тр. к 85-летию МГОУ и 190-летию Дома Трудолюбия (Елизаветинского училища). Вып. VI. М., 2016. С. 169–176.
40. *Бубликов М.А.* Иван Саввич Никитин (1824–1861). Биографии русских образцовых писателей с портретами. Вильно : Просветитель, 1913. URL: <http://public-library.ru/biography/nikitin.html>. (дата обращения: 19.03.2023).
41. *Городецкий С.М.* Лирика Никитина // Никитин И.С. Полное собрание сочинений : В 2 т. СПб., 1913. Т. 1. URL: http://az.lib.ru/g/gorodeckij_s_m/text_1912_lirika_nikitina.shtml. (дата обращения: 25.04.2023).
42. *Добрынин М.В.* Никитин И.С. // Литературная энциклопедия : В 11 т. М. : ОГИЗ РСФСР, 1934. Т. 8. С. 67–72.
43. *Никитин И.С.* Молитва в саду Гефсиманском // Русский архив. Историко-литературный сборник. 1865. № 8. С. 805–810.
44. *Никитин И.С.* Сочинения И.С. Никитина с его портретом, видом надгробного памятника, facsimile и биографией : В 2 т. Воронеж: Тип. А. Гольдштейна, 1869. Т. 1. 568 с.
45. *Капов И.М.* Содержание и характер поэзии И.С. Никитина. Варшава : Тип. Варшавского Учебного Округа, 1901. 242 с.
46. *Рождествен А.С.* Жизнь и поэзия Никитина. Казань : Тип. Императорского университета, 1902. 56 с.
47. *Библия.* Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические с параллельными местами. М., 2009. 1232 с.
48. *Ахтырская В.Н., Толмачёв В.М., Зиновьева А.Ю., Иванова Е.Л.* «Оливковая роща» Р.М. Рильке («Der Olbaum–Garten»). Четыре разбора // Вестник Православного Свято-Тихоновского университета: III. Филология. 2008. Вып. 3 (13). С. 7–39.
49. *Gherasim C.* L’empreinte romantique de la Passion du Christ: Le Mont des Oliviers d’Alfred de Vigny et Sofi d’Amélie Nothomb // Trans. 2022. № 28. URL: <http://journals.openedition-org/trans/8172> (дата обращения: 25.01.2024).
50. *Павловская О.А.* Евангельский сюжет «Моление о чаше» в творческой интерпретации А.Н. Апухтина : Научно-исследовательская деятельность в классическом университете – 2023: традиции и инновации : материалы науч.-практ. фестиваля. Иваново, 2023. С. 652–658.
51. *Меднис Н.Е.* Моление о чаше в романе Юрия Буйды «Ермо» // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы : сб. науч. трудов. Вып. 3. Новосибирск, 1999. С. 221–237.

52. Граматчикова М.О. Мотивный комплекс моления о чаше в русской поэзии 1930–1940-х годов : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2021. 218 с.
53. Жиличева Г.А. Интерференция повествовательных инстанций в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Новый филологический вестник. 2013. № 2 (25). С. 99–125.
54. Коровин В.Л. О жанре «религиозной поэмы» в русской литературе 1820–40-х гг. и поэмах С.А. Ширинского-Шихматова, А.Н. Муравьёва и Ф.Н. Глинки // Филаретовский альманах. 2014. № 10. С. 171–193.
55. Кинешемский В. Беседы на Евангелие от Марка. М., 2010. 800 с.
56. Ковалёв Д.М. Наедине с жизнью. М., 1979. 239 с. URL: <https://kovalevdmikhail.narod.-ru/sorokin.files/nikitin.htm> (дата обращения: 21.11.2023).
57. Кузнецов В.И. Иван Саввич Никитин. «Я Руси сын!...». М. : Просвещение, 1991. 159 с.
58. Лебедев Ю.В. Никитин И.С. // Русские писатели: Библиографический словарь: В 2 ч. М. : Просвещение, 1990. Ч. 2. С. 85–87.
59. Штраус Д.Ф. Жизнь Иисуса. М., 1992. 528 с.
60. Зигабен Евфимий. Толкование Евангелия от Матфея, составленное по древним святоотеческим толкованиям Византийским, XII-ого века, учёным монахом Евфимием Зигабеном. М., 2020. 637 с.
61. Болгарский Феофилакт. Толкование на Святое Евангелие Блаженного Феофилакта Болгарского : В 2 т. М., 2010. Т. 1.
62. Златоуст Иоанн. Толкование на Евангелие от Матфея в двух книгах. М., 2010. 736 с.
63. Давыденков О. Катехизис. М., 2017. 229 с.
64. Муретов М.Д. Учение о Логосе у Филона Александрийского и Иоанна Богослова. СПб., 2012. 448 с.

References

1. Lotman, Yu.M. (1996) *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside Thinking Worlds]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
2. Lotman, Yu.M. (1992) *Izbrannye stat'i* [Selected Articles]. Vol. 1. Tallinn: Aleksandra.
3. Lotman, Yu.M. (1981) *Tekst kak dinamicheskaya sistema : Struktura teksta-81* [Text as a Dynamic System: Text structure-81]. Moscow: Institute for Slavic and Balcan Studies USSR AS. pp. 104–105.
4. Lotman, Yu.M. (2010) *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB.
5. Lotman, Yu.M. (1970) *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The Structure of a Literary Text]. Moscow: Iskusstvo.
6. Dolgushin, D.V. (2013) Religioznaya interpretatsiya russkoy literatury: mezhdu doktrinologiyey i personologiyey [Religious interpretation of Russian literature: between doctrinology and personology]. *Toronto Slavic Quarterly*. 44. pp. 322–329.
7. Esaulov, I.A. (2011) Evangel'skiy tekst v russkoy kul'ture i sovremennaya nauka [The Gospel Text in Russian Culture and Contemporary Research]. In: *Evangel'skiy tekst v russkoy literatury: Tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel Text in Russian Literature: Quote, Reminiscence, Motif, Plot, Genre]. Vol. 6. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. pp. 5–23.
8. Lavrov, A.V. (1996) V.M. Zhirmunskiy v nachale puti [V.M. Zhirmunsky at the beginning of his journey]. In: *Russkoe podvizhnichestvo* [Russian Asceticism]. Moscow: Nauka. pp. 337–352.
9. Kotelnikov, V.A. (1994) Pravoslavie v tvorchestve russkikh pisateley XIX veka [Orthodoxy in the works of Russian writers of the 19th century]. *Khristianskoe chtenie*. 9. pp. 7–42.
10. Korovin, V.L. (2017) *Bibleyskie temy v russkoy poezii XVIII – pervoy poloviny XIX veka* [Biblical themes in Russian poetry of the 18th – first half of the 19th century]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.

11. Dolgushin, D.V. (2007) Eshche raz o svyatootecheskikh motivakh v "Shineli" N.V. Gogolya [Once again on patristic motifs in Nikolai Gogol's *The Overcoat*]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 4. pp. 30–35.

12. Klimova, M.N. (2013) Holiness and temptation (the image of Mary of Egypt in Russian literature). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4 (24). pp. 90–95. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/24/8

13. Raskol'nikov, F. (2004) Pushkin i religiya [Pushkin and Religion]. *Voprosy literatury*. 3. pp. 81–112.

14. Annenkova, E.I. (1994) Istoricheskiy put' i etika pravoslaviya v kontseptsii A.S. Khomyakova i N.V. Gogolya [The historical path and ethics of Orthodoxy in the concepts of A.S. Khomyakov and N.V. Gogol]. In: *Khristianstvo i russkaya literatura* [Christianity and Russian Literature]. Vol. 1. Saint Petersburg: Nauka. pp. 209–223.

15. Burova, Yu.V. (2004) *Bibleyskie i svyatootecheskie osnovaniya tvorchestva F.M. Dostoevskogo kak istoriko-kul'turnogo fenomena* [Biblical and patristic foundations of Fyodor Dostoevsky's work as a historical and cultural phenomenon]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saransk.

16. Gabdullina, V.I. (2008) *Evangel'skaya pritcha v avtorskom diskurse F.M. Dostoevskogo* [The Gospel parable in Fyodor Dostoevsky's authorial discourse]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tomsk.

17. Kirichenko, O.A. (2008) *Roman L.N. Tolstogo "Anna Karenina". Bibleyskie tsitaty kak sredstvo vyrazheniya avtorskoy idei* [Leo Tolstoy's novel *Anna Karenina*. Biblical quotations as a means of expressing the author's idea]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ulyanovsk.

18. Kurkina, T.N. (2002) *Povest' "Khadzhi-Murat" v svete khudozhestvennykh i religioznykh iskaniiy L.N. Tolstogo* [The story Hadji Murat in light of Leo Tolstoy's artistic and religious searches]. Philology Cand. Diss. Voronezh.

19. Novikova-Stroganova, A.A. (2003) *Religiozno-nravstvennye iskaniiya v tvorchestve N.S. Leskova 1880-kh–1890-kh godov* [Religious and moral searches in the works of Nikolai Leskov in the 1880s–1890s]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.

20. Makarevich, O.V. (2014) *Interpretatsiya religioznykh tekstov v tvorchestve N.S. Leskova vtoroy poloviny 1870-kh–1890-kh gg. Voprosy problematiki i poetiki* [Interpretation of religious texts in the works of Nikolai Leskov from the second half of the 1870s–1890s. Issues of problematics and poetics]. Abstract of Philology Cand. Diss. Nizhniy Novgorod.

21. Egeberg, E. (1998) Bibleyskie motivy v lirike A.A. Feta [Biblical motifs in the lyrics of Afanasy Fet]. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 5. pp. 250–253.

22. Cheremisinova, L.I. (2014) Religioznye obrazy v stikhotvorenii A.A. Feta "Obrochnik" [Religious images in Afanasy Fet's Poem "Obrochnik"]. *Izvestiya Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*. 3 (14). pp. 80–84.

23. Kositsyna, N.O. (2011) *Leksika religioznoy kul'tury v idiolekte A.A. Feta* [Vocabulary of Religious Culture in Afanasy Fet's Idiolect]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kursk.

24. Stepanov, M.M. (1911) *Ivan Savvich Nikitin, ego otnoshenie k pravoslavnoy tserkvi i religiozno-nravstvennye stikhotvoreniya* [Ivan Savvich Nikitin, His Attitude to the Orthodox Church and His Religious-Moral Poems]. Kazan: Tsentr tipografii.

25. Sivitskiy, F.E. (1893) *I.S. Nikitin. Ego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost'*. *Biograficheskiy ocherk* [Ivan Nikitin. His Life and Literary Work. A Biographical Sketch]. Saint Petersburg: Tip. V.I. Shteyna.

26. Nikitin, I.S. (1914) *Sochineniya s portretom, facsimile i biografey* [Essays with Portrait, Facsimile and Biography]. Saint Petersburg: Tip. T-va I.D. Sytina.

27. Tonkov, V.A. (1968) *I.S. Nikitin. Ocherk zhizni i tvorchestva* [Ivan Nikitin. Essay on life and creativity]. Moscow: Prosveshchenie.

28. Cheresheva, G.P. (2012) *Poeziya I.S. Nikitina v literaturnom protsesse 1840-kh – nachala 1860-kh godov* [Poetry by Ivan Nikitin in the literary process of the 1840s – early 1860s]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

29. Chernyshevskiy, N.G. (1906) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Saint Petersburg: Izd-vo P.O. Yablonskogo.
30. Belinskiy, V.G. (1953) Pis'mo V.G. Belinskogo N.V. Gogolyu ot 15 iyulya 1847 goda [Letter from Vissarion Belinsky to Nikolai Gogol, July 15, 1847]. In: *N.V. Gogol' v russkoy kritike* [Nikolai Gogol in Russian Criticism]. Moscow: GIKhL. pp. 243–252.
31. Nikitin, I.S. (1980) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. [Online] Available from: http://az.lib.ru/n/nikitin_i_s/text_0030.shtml (Accessed: 20.05.2024).
32. Nikitin, I.S. (1965) *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete Poems]. Moscow; Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
33. Semenov, M.M. (1901) Religioznye motivy poezii I.S. Nikitina [Religious Motifs in Ivan Nikitin's Poetry]. *Voronezhskie eparkhial'nye vedomosti*. 11. pp. 505–514.
34. Monakhova, I.R. (2011) Belinskiy i Gogol'. Shtrikhi k dvoynomu portretu [Belinsky and Gogol. Strokes toward a double portrait]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*. 2 (12). pp. 133–142.
35. Nikitin, I.S. (1912) *Dnevnik seminarista* [A Seminarian's Diary]. Saint Petersburg: Deyatel'.
36. Romanov, D.A. (2024) Lirika I.S. Nikitina v rakurse sovremennoy lingvopoetiki (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya poeta) [Ivan Nikitin's lyrics from the perspective of contemporary linguopoetics (on the 200th anniversary of the poet's birth)]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2 (53). pp. 243–257.
37. Bochenkov, V.V. (2018) Osobennosti retseptsiy stikhotvoreniy I.S. Nikitina v publitsistike staroobryadcheskogo episkopa Mikhaila (Semenova) [Reception features of Ivan Nikitin in the journalism of the Old Believer bishop Mikhail (Semyonov)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. pp. 18–23.
38. Semenov, M.M. (1901) Religioznye motivy poezii I.S. Nikitina [Religious motifs in the poetry of Ivan Nikitin]. *Voronezhskie eparkhial'nye vedomosti*. 12. pp. 542–555.
39. Cheresheva, G.P. (2016) Religiozno-patrioticheskie nastroyeniya v poezii Ivana Savvicha Nikitina v period Krymskoy voyny 1853–1856 godov [Religious and patriotic sentiments in the poetry of Ivan Savvich Nikitin during the Crimean War of 1853–1856]. In: *Literatura i istoriya. XIX vek* [Literature and History. 19th Century]. Vol. 6. Moscow: [s.n.]. pp. 169–176.
40. Bublikov, M.A. (1913) *Ivan Savvich Nikitin (1824–1861). Biografii russkikh obraztsovykh pisateley s portretami* [Ivan Savvich Nikitin (1824–1861). Biographies of Exemplary Russian Writers with Portraits]. Vilno: Prosvetitel'. [Online] Available from: <http://public-library.ru/biography/nikitin.html> (Accessed: 19.03.2023).
41. Gorodetskiy, S.M. (1913) Lirika Nikitina [Lyric Poetry of Nikitin]. In: Nikitin, I.S. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 1. Saint Petersburg: [s.n.]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/g/gorodeckij_s_m/text_1912_lirika_nikitina.shtml (Accessed: 25.04.2023).
42. Dobrynin, M.V. (1934) Nikitin I.S. In: *Literaturnaya entsiklopediya* [Literary Encyclopedia]. Vol. 8. Moscow: OGIZ RFSR. pp. 67–72. (In Russian).
43. Nikitin, I.S. (1865) Molitva v sadu Gefsimanskom [Prayer in the Garden of Gethsemane]. *Russkiy arkhiv. Istoriko-literaturnyy sbornik*. 8. pp. 805–810.
44. Nikitin, I.S. (1869) *Sochineniya I.S. Nikitina s ego portretom, vidom nadgrobnogo pamyatnika, facsimile i biografey* [Works of Ivan Nikitin with His Portrait, View of the Tombstone, Facsimile, and Biography]. Vol. 1. Voronezh: Tip. A. Gol'dshcheyna.
45. Kamov, I.M. (1901) *Soderzhanie i kharakter poezii I.S. Nikitina* [The Content and Character of Ivan Nikitin's Poetry]. Warsaw: Tip. Varshavskogo Uchebnogo Okruga.
46. Rozhdestvin, A.S. (1902) *Zhizn' i poeziya Nikitina* [Nikitin's Life and Poetry]. Kazan: Tip. Imperatorskogo universiteta.
47. Anon. (2009) *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta kanonicheskie s parallel'nymi mestami* [The Bible. The Canonical Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments with Parallel Passages]. Moscow: [s.n.].

48. Akhtyrskaya, V.N. et al. (2008) "Olivovaya roshcha" R.M. Ril'ke ("Der Olbaum-Garten"). Chetyre razbora ["The Olive Grove" by R.M. Rilke ("Der Olbaum-Garten")]. Four Analysis]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo universiteta: III. Filologiya*. 3 (13). pp. 7–39.

49. Gherasim, C. (2022) L'empreinte romantique de la Passion du Christ: Le Mont des Oliviers d'Alfred de Vigny et Sofi d'Amélie Nothomb. *Trans*. 28. [Online] Available from: <http://journals.openedition.org/trans/8172> (Accessed: 25.01.2024).

50. Pavlovskaya, O.A. (2023) [The Gospel Story "Agony in the Garden" in the Creative Interpretation of A.N. Apukhtin]. *Nauchno-issledovatel'skaya deyatel'nost' v klassicheskom universitete – 2023: traditsii i innovatsii* [Research Activity at the Classical University – 2023: Traditions and Innovations]. Proceedings of the Festival. Ivanovo. 10–28 April 2023. Ivanovo: Ivanovo State University. pp. 652–658. (In Russian).

51. Mednis, N.E. (1999) Molenie o chashe v romane Yuriya Buydy "Ermo" [The Agony in the Garden in Yuri Buida's Novel Yermo]. In: Kapinos, E.V. (ed.) *Materialy k slovaryu syuzhetov i motivov russkoy literatury* [Materials for a Dictionary of Plots and Motifs of Russian Literature]. Vol. 3. Novosibirsk: Nauka. pp. 221–237.

52. Gramatchikova, M.O. (2021) *Motivnyy kompleks moleniya o chashe v russkoy poezii 1930–1940-kh godov* [The Motif complex of the prayer in the garden in Russian poetry of the 1930s–1940s]. Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.

53. Zhilicheva, G.A. (2013) Interferentsiya povestvovatel'nykh instantsiy v romane B. Pasternaka "Doktor Zhivago" [Interference of narrative instances in Boris Pasternak's novel Doctor Zhivago]. *Novyy filologicheskiy vestnik*. 2 (25). pp. 99–125.

54. Korovin, V.L. (2014) O zhanre "religioznoy poemy" v russkoy literature 1820–40-kh gg. i poemakh S.A. Shirinskogo–Shikhmatova, A.N. Murav'eva i F.N. Glinki [On the genre of the "religious poem" in Russian literature of the 1820s–1840s and the poems of S.A. Shirinsky-Shikhmatov, A.N. Muravyov, and F.N. Glinka]. *Filaretovskiy al'manakh*. 10. pp. 171–193.

55. Kineshemskiy, V. (2010) *Besedy na Evangelie ot Marka* [Conversations on the Gospel of Mark]. Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa.

56. Kovalev, D.M. (1979) *Naedine s zhizn'yu* [Alone with Life]. Moscow: Sovremennik. [Online] Available from: <https://kovalevdmirij.narod.-ru/sorokin.files/nikitin.htm> (Accessed: 21.11.2023).

57. Kuznetsov, V.I. (1991) *Ivan Savvich Nikitin. "Ya Rusi syn!.."* [Ivan Savvich Nikitin. "I am a Son of Rus!.."]. Moscow: Prosveshchenie.

58. Lebedev, Yu.V. (1990) Nikitin I.S. In: *Russkie pisateli: Bibliograficheskiy slovar'* [Russian Writers: Bibliographic Dictionary]. Part 2. Moscow: Prosveshchenie. pp. 85–87. (In Russian).

59. Shtraus, D.F. (1992) *Zhizn' Iisusa* [The Life of Jesus]. Translated from German. Moscow: Respublika.

60. Zigabenos, E. (2020) *Tolkovanie Evangeliya ot Matfeya, sostavlennoe po drevnim svyatootecheskim tolkovaniyam Vizantiyskim, XII-ogo veka, uchenym monakhom Evfimiem Zigabenom* [Interpretation of the Gospel of Matthew, compiled according to ancient patristic interpretations by the Byzantine monk Euthymius Zigaben, 12th century]. Translated from Greek. Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa.

61. Theophylact of Ohrid. (2010) *Tolkovanie na Svyatoe Evangelie Blazhennogo Feofilakta Bolgarskogo* [Interpretation of the Holy Gospel by Blessed Theophylact of Bulgaria]. Translated from Greek. Vol. 1. Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa.

62. John Chrysostom. (2010) *Tolkovanie na Evangelie ot Matfeya v dvukh knigakh* [Commentary on the Gospel of Matthew in Two Books]. Translated from Greek. Moscow: Sibirskaya Blagozvonitsa.

63. Davydenkov, O. (2017) *Katekhizis* [Catechism]. Moscow: Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities.

64. Muretov, M.D. (2012) *Uchenie o Logose u Filona Aleksandriyskogo i Ioanna Bogoslova* [The Doctrine of Logos in Philo of Alexandria and John the Theologian]. Saint Petersburg: Izd. Olega Abyshko.

Информация об авторах:

Маматов Г.М. – канд. филол. наук, преподаватель кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: G.M.mamatov@yandex.ru

Угрюмов В.Е. – канд. филол. наук, доцент кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: v.u7@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

G.M. Mamatov, Cand. Sci. (Philology), lecturer, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: G.M.mamatov@yandex.ru

V.E. Ugryumov, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: v.u7@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.04.2024;
одобрена после рецензирования 08.12.2024; принята к публикации 31.10.2025.*

*Статья поступила в редакцию 24.04.2024;
одобрена после рецензирования 08.12.2024; принята к публикации 31.10.2025.*